

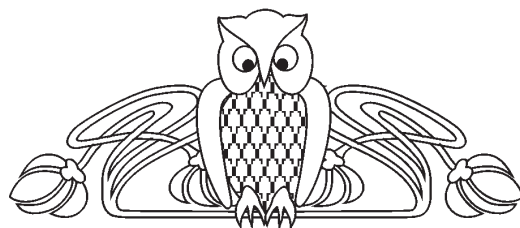

- ¹⁶ Норов А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 году. СПб., 1844. Ч. II. С. 59–60.
- ¹⁷ Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 годах. СПб., 1840. Ч. 1. С. 277 (исследователи датируют рукопись X веком).
- ¹⁸ Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. Ч. II. С.106.
- ¹⁹ Филологические наблюдения А.Х. Востокова. СПб., 1865. С. 173.
- ²⁰ См.: Востоков А.Х. Описание рукописей и печатных книг словенских, принадлежащих г-ну Норову // Журнал министерства народного просвещения. 1836. Ч. 11. С. 529–551; Попов Д. Описание греческих рукописей, принадлежащих г-ну Норову // Там же. Ч. 12. С. 409–422.
- ²¹ Библиотека великих писателей: Пушкин / под ред. С.А. Венгерова. Пг., 1915. Т. VI. С. 113.
- ²² Там же.
- ²³ Письма В.В. Ганки к А.С. Норову и барону М.А. Корфу (1841–1857). М., 1881. С. 14.
- ²⁴ См.: Письма протоиерея М.Ф. Раевского к А.С. Норову // Русский архив. 1895. Кн. 3. С. 355–365.
- ²⁵ Цит. по: Кудрявцев И.М. Рукописное собрание А.С. Норова // Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1956. Вып. 18. С. 53.
- ²⁶ См.: Исаков Н.В. Отчет по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года // Журнал министерства народного просвещения. 1864. Ч. СXXXII. С. 64.
- ²⁷ Хохлов Р.Ф. Книжные фонды личного происхождения, как исторический источник. (По материалам собрания Дмитровского краеведческого музея) // Проблемы отечественной истории: сб. статей; отв. ред. А.М. Анфимов. М., 1973. Ч. 1. С. 314.
- ²⁸ Соболевский С.А. Указ. соч. С. 065.
- ²⁹ Библиотека Авраама Сергеевича Норова. СПб., 1868. Ч. 1. С. VI.
- ³⁰ См.: Кудрявцев И.М. Рукописное собрание А.С. Норова // Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1980. Вып. 41. С. 96.
- ³¹ См.: Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Ч. 1. С. VI–VII.
- ³² См.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII – XIX веков из ленинградских рукописных собраний / под ред. М.П. Алексева. М.: Л., 1960. С. 89, примеч.
- ³³ Цит. по: Джордано Бруно (К 400-летию со дня смерти). Заседание памяти Дж. Бруно. Выставка «Джордано Бруно. 1548–1948» // Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Докл. и сообщения филол. ин-та / отв. ред. М.П. Алексеев. Л., 1949. Вып. 1. С. 228.
- ³⁴ См.: Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Ч. 1. С. 250–272.
- ³⁵ Зубов В.П. Рукописное наследие Джордано Бруно // Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1950. Вып. XI. С. 182.
- ³⁶ См.: Кудрявцев И.М. Указ. соч. Вып. 18. С. 56–57.
- ³⁷ Развитие фондов Московского и Румянцевского музеев. URL: <http://leninka.ru> (дата обращения: 25.12.10).
- ³⁸ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1865 год // Журнал министерства народного просвещения. 1866. Ч. СXXX, апрель. Отд. II. С. 61.
- ³⁹ Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Ч. 1. С. I.
- ⁴⁰ Российский государственный архив литературных источников (далее – РГАЛИ). Ф. 450. Оп. 1. Д. 22. Ч. II. Л. 35.
- ⁴¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 531. Оп. 1. Д. 580. Л. 3.
- ⁴² РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 22. Ч. II. Л. 35, 41об.
- ⁴³ Соболевский С.А. Указ. соч. С. 65.

УДК 94(47)“1905/1907”

РОЛЬ АДВОКАТОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ 1905 ГОДА

С.В. Мосолкин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: MosolkinSV@mail.ru

Role of Lawyers at Political Trials in 1905

S.V. Mosolkin

Article is devoted the analysis of system of rules and the ethical principles of defence developed by the Russian attorneys at law at political trials in 1905. In article it is told about antagonism between the government and the Bar in days of the first Russian revolution. The author does a conclusion that studying and preservation of classical traditions of pre-revolutionary legal profession, as basic institute of a civil society, is actual for a modern society.

Key words: Russian advocacy, political trials, the lawyer unions, advocacy ethics, methods of advocacy defence.

В статье делается попытка проанализировать профессиональную и нравственную позицию российских адвокатов в период революции 1905 года. Источниками для написания статьи служат мемуары адвокатов, их публицистические работы, а также материалы жандармского управления, хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО).

Дореволюционная адвокатура представила миру плеяду выдающихся присяжных поверенных. Нелегкой ценой далось сословию адвокатов общественное признание и уважение. Практически до конца 70-х гг. XIX в. российское общество относилось к адвокату крайне неприязненно. Н.А. Троицкий в книге «Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг.» приводит целый список нелестных отзывов об адвокатах – в газетах, в журналах, в произведениях писателей¹.

И лишь участие в политических процессах дало возможность адвокатам изменить представление общества о себе. Произошло это благодаря деятельности присяжных поверенных с высочайшей репутацией, таких как В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, П.А. Александров, А.И. Урусов, В.Н. Герард, С.А. Андреевский, В.И. Танеев, А.М. Унковский. Они не только не запятнали чести сословия, но и активно отстаивали ее, изобличая «продажное негодование» и «наемную страсть краснобаев от адвокатуры»². Им удалось преодолеть волну безосновательных нападок на защитников, спровоцированных, безусловно, государством, стремившимся ослабить любой независимый от него институт. Окончательно общественное мнение встало на сторону адвокатов после череды громких политических процессов 1877–1878 гг., в которых защитники продемонстрировали независимость от государства и нежелание подчиняться его полицейской воле³.

В 1905 г. с подъемом общественно-политического движения в стране в адвокатской среде усиливаются оппозиционные настроения. В этой обстановке растет общественная репутация адвокатуры, вместе с ростом ее собственной политической активности, проявляющейся и в защитительных выступлениях адвокатов перед судом, и в антиправительственных акциях.

Еще в марте 1901 г. В.Д. Стасов, Н.П. Карабчевский и еще семь адвокатов подписали протест 95 деятелей культуры против разгона студенческой демонстрации в Петербурге. 20 ноября 1904 г. десятки петербургских адвокатов участвовали в антиправительственном митинге «представителей интеллигентных профессий» вместе с В.Г. Короленко, А.М. Горьким, Л.Н. Андреевым, В.И. Селявским, Е.В. Тарле, Н.А. Бердяевым и другими виднейшими деятелями литературы, на-

уки и искусства⁴. 21 ноября 1904 г. 400 адвокатов Петербурга приняли резолюцию с требованием «признать за всеми гражданами равное право неприкосновенности личности и жилища, свободу совести и вероисповеданий, свободу печати, собраний, союзов»⁵. Это была первая по времени политическая резолюция, принятая в России от имени целой общественной группы, официально признанной адвокатской корпорацией⁶.

В выступлениях адвокатов, несомненно, проявлялся антагонизм, который в годы реакции существовал между правительственной юстицией, с одной стороны, и либеральной в немалой своей части адвокатурой, с другой стороны. Этот антагонизм особенно проявился в 1904–1905 гг., когда присяжные поверенные принимали резолюции о «необходимости государственной реформы, как единственного условия для возможного полного дальнейшего осуществления высоких целей правосудия»⁷. Адвокат Н.П. Карабчевский в мемуарах по этому поводу писал: «При наличии в дореволюционной России сановно-чиновного (но не царского) абсолютизма, существование наряду с этим свободного самоуправляющегося сословия адвокатов было резкою, почти трагическою аномалией. Явно противоположные общественные задачи не могли не ставить адвокатуру в противоречие с видами и чаяниями правительства, и вполне естественно, что вся публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью систематически оппозиционной. Это пытались обуздать и Муравьев, и Щегловитов, и такие их ставленники, как старший Председатель Петербургской Судебной Палаты Крашенинников или сенаторы: Бахтаров, Гредингер и т.д. Но эти попытки только раздражали общественное мнение и увеличивали значение и силу публичного адвокатского слова»⁸.

В период обострения политической борьбы и роста судебных процессов общность взглядов вызвала подъем профессионального настроения в адвокатской среде. «Политическая активность адвокатов, столь живо проявившаяся уже в преддверии революции, с начала ее продолжала нарастать и привела к созданию 30 марта 1905 г. всероссийского союза адвокатов, который объединил 2,5 тыс. присяжных поверенных и их помощников из 64 городов Европейской России, включая Закавказье»⁹.

Союз адвокатов России ставил перед собой очень серьезные задачи в области профессиональной деятельности адвокатуры, по разработке и совершенствованию Правил адвокатской этики, организации сословия присяжных поверенных, поддержанию чести и достоинства во всем сословии адвокатов, содействуя подъему нравственного уровня, ограждая членов сословия от произвола. Также Союз адвокатов намеревался оказывать содействие правовой науке и судебной практике, объединяя и разрабатывая богатый материал, черпаемый адвокатами из своей профессиональ-

ной деятельности. И, наконец, российский Союз адвокатов предполагал содействовать улучшению материального обеспечения членов сословия, их семейств на случай смерти, болезни или неспособности к труду, созданию пенсионной кассы и иных видов взаимопомощи¹⁰.

Вот как описывал создание Союза адвокатов Н.В. Тесленко в своем докладе Собранию присяжных поверенных Москвы: «На съезде участвовало около 200 делегатов, избранных преимущественно официальными общими собраниями присяжных поверенных и их помощников во всех судебных округах империи. Сознание необходимости объединить всю русскую адвокатуру было столь единодушно, что в первом же заседании 28 марта, без прений, единогласно было сделано следующее постановление: съезд провозглашает учреждение всероссийского союза адвокатов с целью объединения общественно-профессиональной деятельности адвокатуры и достижения политического освобождения России на началах демократической конституции»¹¹.

Естественно, что такая инициатива не могла понравиться властям. Союз адвокатов просуществовал недолго, менее года, проведя еще один, Второй съезд в Москве 5–6 октября 1905 г., и прекратил свое существование. Этому способствовало неприятие и непризнание Союза адвокатов со стороны государственных органов власти России. Вскоре после Первого съезда Союза адвокатов некоторые его делегаты за участие в Союзе были привлечены к жандармскому дознанию по ст. 126 Уголовного уложения (об участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя)¹², поскольку одной из задач Союза адвокатов было изменение политического режима в России. К чести всех адвокатов-членов Союза, они заступились за своих коллег путем подачи заявления в жандармские управления о своей принадлежности к Союзу. В результате такого демарша и страха общественной огласки и скандала привлечение к уголовной ответственности за членство в Союзе адвокатов летом 1905 г. было прекращено.

Ситуацию, накаленную надвигающейся революцией, власть неоднократно использовала в своих полицейских интересах, пытаясь запугать и поставить адвокатуру под контроль. Особый резонанс получил арест присяжного поверенного С.Е. Кальмановича, который всколыхнул всю адвокатуру, потому что был произведен в зале суда, во время исполнения им своих обязанностей по защите.

За адвокатом С.Е. Кальмановичем задолго до его ареста велось наблюдение. В Государственном архиве Саратовской области сохранился ответ начальника саратовского губернского жандармского управления на запрос тамбовского начальника губернского управления от 28 декабря 1905 года. В нем говорится: «по имеющимся в

отделении сведениям еще в 1902 г. Присяжный Поверенный Самуил Еремеев Кальманович вел деловые в революционном смысле сношения с центральной группой Саратовских социалистов-революционеров»¹³. Далее начальник жандармского управления Саратова сообщает: «В марте 1905 года С.Е. Кальманович, как человек крайних убеждений, был командирован делегатом от Саратовской адвокатуры на Всероссийский съезд юристов в г. Петербург и там обратил на себя внимание местного Охранного Отделения своими противоправительственными речами и резолюциями на заседаниях съезда»¹⁴. Из документа становится ясно, что С.Е. Кальманович был тесно связан с партией социалистов-революционеров: «Начиная с января 1905 года С.Е. Кальманович во всех политических забастовках в г. Саратове принимал самое деятельное участие, ведя, лично, агитацию путем произнесения на всех общественных собраниях ряда противоправительственных ярко революционных речей, в которых довольно откровенно высказывалась мысль о близости и необходимости революции в России. Особенно живую деятельность он проявил в Октябрьскую всероссийскую забастовку, когда совместно с представителем Союза – Союзов в г. Саратове доктором Адамом Владиславовым Узембло, Присяжным Поверенным Токарским, инженером путей сообщения Анатолием Александровым Добровольским образовал под видом “Центрального Стаечного комитета” “как бы” временное Правительство. Они вырабатывали программы сходов, требований для забастовщиков к предъявлению по начальству, а также агитировали за необходимость вооруженного отпора рабочими полиции и войсками на случай столкновений»¹⁵. Хотя сам С.Е. Кальманович в воспоминаниях писал, что никогда не был «центром, около которого группировались в Саратове социалисты-революционеры, и даже не был членом партии»¹⁶. И сведения о нем, полученные тамбовской администрацией из Саратова, были «выдуманы саратовской охранкой, знавшею обо мне, как о близком знакомом и друге многих революционеров...»¹⁷.

В декабре 1905 г. С.Е. Кальманович, проживающий в то время в Саратове, выехал в Тамбов на суд по делу об убийстве генерала Богдановича. Об убийстве Богдановича и задержании его убийц было известно из газет, поэтому С.Е. Кальманович сразу понял, «кого его приглашают защищать»¹⁸. С.Е. Кальманович прибыл в г. Тамбов для защиты в военном суде Максима Катина и Кузнецова, обвиняемых в убийстве генерала Богдановича. Адвокат ничего о них не знал, кроме, как он пишет, «скудных сведений»¹⁹. Тамбовская администрация, знавшая о содержании телеграммы, как предполагал сам Кальманович, была предупреждена о его прибытии телеграфом, и не желая присутствия «чужого» адвоката, который может поднять неуместные

вопросы, приказала арестовать его на вокзале в Тамбове. Но поезд пришел с опозданием, и представителям власти не удалось осуществить задержание²⁰. На заседание адвокат прибыл с опозданием и вошел в зал только после перерыва. С.Е. Кальманович сразу обратил внимание на состав суда. Администрация «сконструировала суд» из людей «ничем не связанных, кроме как усмотрением коменданта»²¹. Председателем был назначен военно-судебный следователь, членами суда – два обер-офицера, прокурором – офицер генерального штаба. Все назначения состоялись по усмотрению генерал-губернатора на основании ст. 1308 военно-судебного устава. Эта статья разрешала «при неимении военного суда и невозможности командирования такого, вследствие перерыва сообщения», предоставлять учреждать суд на общих основаниях, с «возложением обязанностей чинов военно-судебного ведомства на офицеров от войск»²².

Это было придумано тамбовской администрацией, так как «судебная процедура казалась ей волокитой, и единственное стремление администраторов было уничтожить политического преступника как можно скорее тут же, так сказать на месте, однако непременно под маской судебного приговора»²³. С.Е. Кальманович очень хорошо понимал, что всякие возражения против состава суда были бы бесполезны. Он надеялся, что может быть в результате следствия удастся установить какие-нибудь факты, которые дадут возможность просить об отсрочке заседания. Поэтому адвокат «очень обрадовался, когда к нему подошел дежурный офицер и попросил выйти в вестибюль. Он надеялся увидеть там родителей или родственников подсудимых»²⁴.

«Кальманович вышел из зала, к нему подошел офицер жандармерии и объявил об его аресте. Кальманович заявил, что не может этому подчиниться, вернулся в зал и доложил о случившемся председателю. Тот задал вопрос подсудимому, который показал, что хочет иметь защитника. Суд удалился на совещание и вынес решение об освобождении Кальмановича от обязанностей защитника, и его мгновенно арестовали. Дело было решено без проволочек и без защитника. Генерал-губернатор лишил осужденного права на обжалование, и смертный приговор привели в исполнение»²⁵.

С.Е. Кальманович вспоминал: «При всем моем пессимизме я не мог примириться с этой кошунственной, с точки зрения права, конструкцией суда. В камере меня зло кусали клопы, но сознание глубокого бесправия царского режима терзало меня много злее»²⁶.

Арест адвоката при выполнении профессиональных обязанностей вызвал бурю возмущения. Вопрос об аресте защитника на заседании суда был поднят в Государственной думе. На него министр Дурново ответил, что «когда в доме пожар, то не жалеют стекол»²⁷.

С.Е. Кальманович был освобожден, пробыв под стражей свыше месяца, без предъявления какого бы то ни было обвинения.

Таким образом, правительство вело борьбу против адвокатского сословия, а оно, в свою очередь, консолидировалось, и даже те адвокаты, которые «в адвокатуре стояли особняком, не примыкая ни к партии, ни к кружку»²⁸, любившие сословие, превыше всего ставили его задачи.

Выступая официальными представителями обвиняемых, адвокаты заняли важное место на политических процессах 1905 года.

С увеличением числа судебных процессов складывается этика политической защиты, в выработке которой немалое участие принимали и сами подзащитные. Первым и основным правилом этой этики было требование, чтобы защитник не подвергал критике программы партии, к которой принадлежал подсудимый, и чтобы его тактика защиты ни в коем случае не шла вразрез с той позицией, которую хотел занять в процессе политически сознательный обвиняемый.

Защитник М.Л. Мандельштам по делу И.П. Каляева говорил, что «подсудимый заявил непреклонное требование, чтобы мы, ни одним словом не обмолвились в его личную защиту. На наших глазах человек бросается в воду и тонет, и мы не смеем пошевелиться, не смеем протянуть ему руку помощи»²⁹.

Таковы были правила адвокатской этики. Хотя были и те, кто осуждали за это адвокатов: «защитники Каляева, ослепленные политическими страстями, забыли о своей главной обязанности – прежде всего, думать об участии подзащитного, а не о каких-то других интересах или своих амбициях. Они видели в каждом террористе политического героя и оправдывали не подсудимого, а его действие. Они не обратили внимание суда на благородство Каляева, не бросившего бомбу в карету несколькими днями раньше, когда в ней находились, кроме генерал-губернатора, Елизавета Федоровна, их племянник Дмитрий Юсупов и племянница Мария»³⁰. Они могли бы поддержать мысль прокурора о том, что таких, как Каляев, толкают на преступление авантюристы. Но защитники даже не вспомнили тот факт, что даже сам главный террорист эсеров Гершуни наказан лишь ссылкой»³¹.

Те, кто бросали такие обвинения в адрес защитников, не учитывали, что сами подсудимые не приняли бы такую защиту, ведь даже в том, что адвокат «говорил о покушении, направленном не против члена царствующего дома, а против московского генерал-губернатора, Каляев усмотрел желание смягчить его судьбу». И в своем последнем слове он считал нужным заявить, что «стрелял в Сергея Александровича, как в великого князя»³².

Если просмотреть речи адвокатов, приобретших известность к началу XX в., то можно убедиться, что их приемы имели индивидуальный

характер. Это была преимущественно или «уличная» защита, или индивидуально-психологическая. Мастером психологической защиты являлся С.А. Андреевский. Основное внимание он уделял личности подсудимого, анализу обстановки, в которой тот жил, и условий, в которых подсудимый совершил преступление. Психологический анализ действий подсудимого Андреевский давал всегда глубоко, живо, ярко и убедительно. Основной особенностью его выступлений являлось широкое внесение литературно-художественных приемов в защитную речь.

В 1905 г. С.А. Андреевский участвовал в политических процессах совместно с представителями «молодой адвокатуры». В своих мемуарах «Драмы жизни» он вспоминал о процессе, проходившем в окружном суде 20–22 сентября 1905 г. под председательством П.К. Камышанского. К суду было привлечено 16 человек, обвиняемых по ст. 126 Уголовного уложения о принадлежности к петербургской организации социалистов-революционеров. Защиту, помимо С.А. Андреевского, представляли В.В. Бернштам, А.С. Зарудный и другие адвокаты³³. Подзащитный С.А. Андреевского эсер Струмило-Петрашкевич, приговоренный в итоге к ссылке на поселение, через месяц был амнистирован императорским манифестом от 21 октября 1905 г. С.А. Андреевский вспоминает об этом как о факте, подтверждающем парадоксальность сложившейся ситуации в годы Первой русской революции, когда суд, призванный действовать «на основании начал незыблемых», оказался в условиях, когда все законы являются «временными правилами»³⁴.

Корифей адвокатской деятельности Лев Абрамович Куперник в 1905 г. выступал на десятках политических процессов (временами – по несколько раз в месяц). «Не было почти ни одного крупного политического процесса, в котором он не являлся бы защитником, – читаем в его некрологе. – Все дела в военных, морских и других судах не проходили без его участия. Несмотря на свои 60 лет, он последние два года буквально провел в вагоне и на суде»³⁵. По свидетельству Н.К. Муравьева, 60-летний Л.А. Куперник вступил в кружок политических защитников, который составляли молодые киевские адвокаты во главе с М.Б. Ратнером, и не уступал молодым ни в политической, ни в чисто профессиональной активности.

Для защиты участников политических процессов сначала в Москве, а потом и в других городах были организованы коллективы «молодой» адвокатуры. Инициативную группу политических защитников в Москве возглавил Н.В. Тесленко, который пользовался доверием у членов партии эсеров. Известным фактом в деле И.П. Каляева является то, что «при подготовке покушения предусматривалась возможность судебного разбирательства», и Б.В. Савинков советовал И.П. Каляеву «остановить свой выбор на Тесленко»³⁶. Н.В. Тесленко в то время не было в Москве, поэтому на суде присутствовали другие защитники. Тем

не менее, 23 июля 1905 г. Н.В. Тесленко выступал защитником в деле об убийстве градоначальника графа П.П. Шувалова³⁷, а также в других политических процессах.

В Петербурге Н.Д. Сколов, А.С. Зарудный и другие организовали группу защиты, для которых защита уже не была личным делом, а распределялась между участниками коллектива.

По ходу рассмотрения дел адвокаты сталкивались с необходимостью определить специфику революционного движения, как крупного социального явления. Политических защитников интересовала не только индивидуальная психология, но и психология массовых движений. В этом смысле значительный научный интерес представляют речи защитников. Манделъштам вспоминает речь В.А. Жданова в судебном процессе по делу И.П. Каляева: «Речь его, тогда большевика, была ярко революционной. Через головы судей он говорил с народом и революцией. Сенат для него не существовал: необходимые и докучливые декорации»³⁸. В своей речи Жданов дал оценку «тяжелым временам»³⁹, которые, по его мнению, «привели Россию к крайней гибели. Столкнулись два мира, и все более теряется надежда на мирный исход»⁴⁰.

Некоторые представители «старой» адвокатуры не поддерживали использование защиты как политической трибуны. Н.П. Карабчевский отмечал, что вначале ««политиканы» были наперечет, но в последнее время, начиная с несчастной японской войны, их число все увеличивалось, и деятельность их приобретала характер настойчивой планомерности. Судебные политические процессы теперь уже служили трибунами для революционной пропаганды, нередко выходя за пределы объективного»⁴¹. Н.А. Троицкий отмечает: «Вообще, в отношениях между «старыми» и «молодыми» корифеями была известная напряженность и ревность»⁴². Высказываясь не слишком лестно об ораторских способностях «молодой адвокатуры»⁴³, Н.П. Карабчевский все же отмечает, что они «добились своего; приобрели, в конце концов, последователей, союзников и подражателей, настолько, что к периоду 1904–1905 годов составили уже весьма заметную и довольно властную в сословии группу»⁴⁴. Не мог он не отметить и то, что «сила всех этих ораторов, несомненно, все же в чем-то таилась, раз они овладевали, при том или ином случае, вниманием и даже энтузиазмом толпы на революционных митингах и собраниях»⁴⁵.

Отказы от защиты, впервые опробованные московскими присяжными поверенными и поддержанные адвокатами других регионов, становились все более частыми, превращаясь в один из новых способов защиты. Известны и такие случаи, когда адвокаты были вынуждены покидать зал заседания вслед за своими подзащитными. Ярким примером этого может служить процесс над И.П. Каляевым, на котором защитниками

выступали Жданов и Мандельштам. Во время процесса подсудимый был выведен из зала по распоряжению председателя, который «не учел разницы между восьмидесятыми годами, когда он мог свободно хозяйничать в процессе, и 1905 годом»⁴⁶. Защитники потребовали перерыва для обсуждения создавшегося ненормального положения. Председатель в перерыве им отказал, «не понимая, чем это грозит и незнакомый с традициями, уже начинавшими складываться среди политических защитников»⁴⁷. Защитники встали и покинули заседание, причем, как указывает Мандельштам, «Жданов отказался от дальнейшей защиты»⁴⁸. Суд, оставшись без подсудимого и без защиты вынужден был пойти на уступки. Каляев и защитники вернулись в зал, причем Жданов был вновь допущен к защите⁴⁹.

Кроме указанных новых приемов защиты, выработавшихся в политических процессах, необходимо отметить и еще один. При просмотре речей защитников более раннего периода можно заметить, что юридическая аргументация в них занимала скромное место. Между тем в политической защите к 1905–1906 гг. юридическая аргументация получила большое развитие. Это относится к московской группе политических, руководимой юристами Н.К. Муравьевым и Н.В. Тесленко.

Появление юридической защиты, возможно, в значительной мере объясняется тем, что именно в этот период защита проходила не перед присяжными заседателями, которым сложные юридические законы были мало доступны, а перед профессиональными судьями, которые были в судебной палате с сословными представителями и в военном суде.

Можно добавить и то, что введенное в действие постановление нового Уголовного уложения о государственных преступлениях создавало вокруг себя, пока еще не было сенаторского разъяснения, возможность различного толкования закона. Это использовала защита для замены одной статьи на другую, с меньшим сроком наказания.

В судебных процессах по обвинению в государственных преступлениях адвокаты считали своим долгом отказываться от гонорара, даже если их клиенты или родственники клиентов предлагали им таковой⁵⁰.

В своих воспоминаниях В.Н. Фигнер, рассказывая о жизни шлиссельбургских заключенных, с уважением вспоминает об адвокате Жданове. «Он не побоялся защищать Каляева, убийцу великого князя Сергея Александровича, царского дяди и палача. Жданов защищал Каляева бескорыстно и безвозмездно: он был членом “Организации политических защитников”, а они никакого гонорара за участие в политических процессах не брали, – это почиталось долгом чести тогдашнего революционно-демократического интеллигента. На призыв Каляева приехать к нему для присутствия при казни Жданов откликнулся немедленно. Он примчался в Шлиссельбург поздно вечером. Не на

автомобиле – они тогда были в редкость. Вероятно, он приехал поездом по Ириновской железной дороге, – от станции надо было еще отшагать три версты пешком по весенней грязи и распутице. Адвокат торопился на зов своего подзащитного Ивана Каляева, но его не пропустили! Тюремная администрация не имела на то разрешения от высшего начальства – вернее будет сказать, что она (вольно или невольно) не удосужилась своевременно получить такое разрешение»⁵¹. Говоря о последнем желании Каляева о приезде Жданова, в доказательство она приводит рапорт полковника Яковлева. В нем говорится о том, что «накануне казни осужденный просил свидания с прокурором, должностным присутствовать при исполнении приговора, и выразил ему, как последнюю просьбу, – содействовать, чтобы присяжный поверенный Жданов присутствовал при исполнении приговора и вообще просил его доставить возможность видеться с означенным Ждановым, объясняя при этом, что видеть он его желает не для того, чтобы через него просить о смягчении участи, а по делам, лично его касающимся».

Процесс Каляева позволяет затронуть вопрос об адвокатской тайне. Институт адвокатской тайны восходит еще к эпохе Римской империи, когда римским судьям предписывалось следить, чтобы «адвокаты не давали свидетельских показаний по делу лица, чьи интересы они защищали»⁵². Чтобы достойно выполнить то назначение, к которому призваны адвокаты, им, прежде всего, необходимо доверие клиента. Его не может быть там, где нет уверенности в сохранении тайны. Каляев изначально с недоверием отнесся к Мандельштаму и «потребовал», чтобы тот «предоставил ему какое-либо доказательство своей самоличности»⁵⁴. Между Ждановым и его подзащитным Каляевым были доверительные отношения еще по вологодской ссылке⁵⁵. Мы так и не узнаем, о чем в предсмертный час Каляев хотел говорить со своим защитником, присяжным поверенным Ждановым. Ясно одно, что между адвокатом и подзащитным были доверительные отношения, далеко выходящие за круг профессиональных обязанностей.

Дореволюционная адвокатура представила миру плеяду выдающихся присяжных поверенных. Каждый из них в суде был частью сословия, но в то же время являлся индивидуальностью. Чем интереснее, талантливее была личность адвоката, тем заметнее был оставленный им след в истории. Адвокатское сословие выработало основную систему правил своей деятельности и этических принципов. Многие из них и в наше время используются в адвокатской практике.

Российская адвокатура, несмотря на регулярные гонения и притеснения со стороны государства и власти, сохранила свои классические традиции и по сей день считается одним из важнейших завоеваний демократии и основных институтов гражданского общества.

Примечания

- ¹ См.: *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 187–226.
- ² См.: *Андреевский С.А.* Драмы жизни. Пг., 1916. С. 4–5; Он же. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула, 1997. С. 6.
- ³ См.: *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 187.
- ⁴ См.: *Троицкий Н.А.* Адвокатура и общество в России (XIX–начало XX века) // История России: диалог российских и американских историков: материалы рос.-амер. науч. конф. (Саратов, 18–22 мая 1992 г.). Саратов, 1994. С. 171; *Он же.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 208.
- ⁵ Цит. по: *Троицкий Н.А.* Адвокатура и общество в России (XIX–начало XX века). С. 171.
- ⁶ См.: *Гессен И.В.* История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 404.
- ⁷ Там же. С. 403.
- ⁸ *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Т. II. URL: <http://lbn-knigi.narod.ru/RUSPROS/Rusknig.htm> (дата обращения: 12.12.10).
- ⁹ *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 212.
- ¹⁰ См.: *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 418–419.
- ¹¹ Цит. по: *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 417–418.
- ¹² См.: *Таганцев Н.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 227.
- ¹³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 57. Оп. 1. 1905 г. Д. 41. Л. 144.
- ¹⁴ Там же. Л. 145.
- ¹⁵ Там же. Л. 146.
- ¹⁶ *Кальманович С.Е.* Царская расправа. М., 1928. С. 15.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 3.
- ²⁰ Там же. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 7.
- ²² Там же. С. 6.
- ²³ Там же. С. 5.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ Тамбовская Правда. 1930. № 19.
- ²⁶ *Кальманович С.Е.* Указ. соч. С. 12.
- ²⁷ Там же. С. 15.
- ²⁸ *Карабчевский Н.П.* Указ. соч.
- ²⁹ Речь Мандельштама // Убийство В.К. Сергея Александровича социалистом революционером И. Каляевым. М.: К-во «Современная проблема», Б.г. С. 41.
- ³⁰ Об этом действительно было известно защите. См.: *Мандельштам М.Л.* 1905 год в политических процессах: Записки защитника. М., 1931. С. 246.
- ³¹ См.: *Хлысталов Э.А.* Босиком среди гадюк. М., 1992. С. 29.
- ³² *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 255, 256.
- ³³ Право. 1905. № 38. С. 3218.
- ³⁴ *Андреевский С.А.* Драмы жизни. С. 573.
- ³⁵ Исторический вестник. 1905. № 11. С. 771.
- ³⁶ *Хлысталов Э.А.* Указ. соч. С. 23.
- ³⁷ См.: Дело об убийстве графа П.П. Шувалова // Освобождение. 1905. № 77.
- ³⁸ *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 253.
- ³⁹ Речь Жданова // Убийство В.К. Сергея Александровича социалистом революционером И. Каляевым. С. 30.
- ⁴⁰ *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 253.
- ⁴¹ *Карабчевский Н.П.* Указ. соч.
- ⁴² *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 153.
- ⁴³ Там же. С. 153–155.
- ⁴⁴ *Карабчевский Н.П.* Указ. соч.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 251.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 252.
- ⁵⁰ *Корш Е.В.* Брызги памяти // Исторический вестник. 1913. № 6. С. 887.
- ⁵¹ Цит. по: *Бруштейн А.Я.* Цветы Шлиссельбурга. М., 1963. URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/147586/Brushtein_-_Cvety_Shlissel%27burga.html.
- ⁵² Рапорт от 10 мая 1905 года за № 16 // Бруштейн А.Я. Указ. соч.
- ⁵³ Суд и судьи в избранных фрагментах: Дигесты Юстиниана. М., 2006. С. 605.
- ⁵⁴ *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 239.
- ⁵⁵ Там же.